

Глава 3

Стоило господину отдать приказ, как из-за его спины тут же вышли пятеро статных юношей. По их добротной одежде и уверенным движениям сразу было видно: это личные слуги главы дома, привыкшие исполнять самые деликатные поручения.

Казалось, они заранее подготовились к расправе и только ждали сигнала. Один ловко сорвал с пояса моток верёвки. Другой уже застыл у ступеней яшмового крыльца, сжимая в руках тяжёлый шест. Третий, не церемонясь, швырнул перед Янь Цзызюнем длинную скамью.

Всё было готово в считанные мгновения. Последние двое шагнули к юноше, схватили его под руки и в два счёта скрутили так, что он не мог даже пошевелиться. Узлы затянули мастерски — Он попытался пошевелить кистями, но веревки впились в кожу мёртвой хваткой.

Юноша стоял на коленях, задыхаясь от того, как туго стянули его грудь. На запястьях от грубого жгута уже расплывались огненные полосы боли.

Глядя на тяжёлый, толщиной в мужскую руку шест, Янь Цзызюнь похолодел. Если эта дубина обрушится на него в полную силу, пары ударов хватит, чтобы отправить его на тот свет. А если он и не испустит дух сразу, то раны неизбежно воспалятся — с нынешней медициной это всё равно означало верную смерть.

Осознав, в какую беду попал, Цзызюнь не на шутку перепугался. Обида и отчаяние захлестнули его с головой.

«Ни в прошлой жизни, ни в этой я не совершил ничего дурного, — думал он. — Почему этот человек, едва увидев меня, жаждет моей крови?»

Он не находил ответа, и от этой несправедливости он заплакал, оставляя на щеках влажные дорожки.

В этом огромном доме ему не на кого было опереться. В последней надежде он устремил взгляд на управляющего Цзя, безмолвно моля о помощи. Однако старик лишь отвёл глаза, старательно изучая узоры на полу.

Когда его потащили к скамье, чтобы прижать лицом к дереву, Цзызюнь решил, что не сдастся без боя. Даже если смерть неизбежна, он должен хотя бы попытаться оправдаться. Он заставил себя успокоиться, подавляя дрожь.

— Ты... ты... я... — Он совсем забыл про своё заикание. Отчаянно пытаясь выговорить хоть слово, он лишь покрывался холодным потом.

— Что «ты»? Перед смертью решил поболтать? — прикрикнул на него один из слуг.

«Так дело не пойдёт! Нужно собраться!»

Цзызюнь зажмурился, а когда он открыл глаза, его лицо стало непривычно твёрдым. Он в упор посмотрел на человека в чёрном и, чеканя каждое слово, спросил:

— Кто вы такой? В чём моя вина? По какому праву вы чините расправу?!

Мужчине в чёрном, казалось, польстила такая дерзость. Он медленно обернулся, и в его глазах на миг полыхнуло призрачное изумрудное пламя. Словно найдя в происходящем какую-то скрытую забаву, он вдруг рассмеялся.

В этой улыбке, казалось, цвела весна, но Цзызюня пробрал могильный холод.

«Что забыл? О чём он говорит?»

Юноша лихорадочно перебирал в памяти все события своей жизни, но тщетно. Одно он знал точно: ни в прежнем мире, ни в этом он никогда не встречал этого «змея под маской ангела», а значит, и враждовать им было не из-за чего.

Мужчина в чёрном плавно сошёл с возвышения и остановился прямо перед Цзызюнем. Склонившись к самому его лицу, он произнёс с вкрадчивой улыбкой:

— Я родом из Цзинцзяна, из вод Дунтина. Зовут меня Чу Цзюинь. Двенадцать лет назад я едва не погиб по твоей милости. Мне стоило огромных трудов выжить и достичь того, что я имею сегодня. Теперь, когда ты в моих руках, Колесо Кармы сделало полный оборот. Справедливое возмездие, не находишь? Что ты скажешь теперь?

Цзызюнь, прижатый к скамье, запутался ещё сильнее. Он широко открытыми глазами смотрел на Чу Цзюиня, не зная, что и думать. Тот, видя его растерянный взгляд, окончательно вышел из себя и рывком вздёрнул юношу вверх.

— Что?! Неужто не помнишь? Или решил, что я лгу?! — В голосе господина зазвучала опасная ярость.

Слуги и служанки в зале, включая управляющего Цзя, разом затаили дыхание и втянули головы в плечи.

Цзызюнь, чувствуя, что ни в чём не виноват, не отвёл взора. Он смотрел чисто и ясно.

Чу Цзюинь был выше его почти на целую голову и гораздо шире в плечах. Его чёрные одежды окутывали юношу, точно грозозавеса. Пальцы господина впились в плечи Цзызюня так сильно, что кости, казалось, вот-вот хрустнут.

Было бы ложью сказать, что Цзызюнь не боялся. Но после всех этих нападков в нём проснулось упрямство. Он набрался храбрости и тихо, но твёрдо ответил:

— Я... ничего такого не делал. И я вас не помню...

Дыхание Чу Цзюиня стало прерывистым. Он схватил Цзызюня за подбородок, прищурился своими длинными лисьи глаза.

— Какое миловидное создание. Жаль только, что под ликом бодхисаттвы скрывается сердце скорпиона!

Мирная весенняя прохлада вмиг сменилась бурей. Лицо Чу Цзюиня исказилось, он резко вскинул ногу и нанёс удар прямо в грудь юноши.

В этом ударе чувствовалась мощь, способная крушить скалы. Цзызюнь лишь успел вскрикнуть, прежде чем его тело, словно сломанная кукла, отлетело на добрый десяток футов.

Присутствующие в ужасе наблюдали, как Цзызюнь, точно сорванный ветром лист, рухнул на камни и замер. Он не потерял сознание сразу: из последних сил приподняв голову, он содрогнулся и, издав глухой хрип, выплюнул сгусток крови.

Раз хозяин сам взялся за расправу, нужды в палках больше не было.

«Бедный парень, — шептались слуги. — Лицо посинело, едва дышит. Кажется, душа в нём на ниточке держится».

Все ждали, что скажет Чу Цзюинь. Тот немного остыл и уже собирался отдать окончательный приказ:

— Эй, вы! Взять его и...

Договорить он не успел. Управляющий Цзя, незаметно оказавшийся за спиной господина, громко и нарочито откашлялся, приводя того в чувство.

Цзя Лун служил Чу Цзюиню многие годы. Господин ценил его советы и часто полагался на него в делах. И то, что сейчас верный управляющий заступился за врага, немало удивило Чу Цзюиня.

Сдержав гнев ради старого слуги, он приказал всем лишним удалиться, оставив лишь нескольких доверенных лиц.

Чу Цзюинь опустился в кресло из красного дерева и, глядя на Цзя Луна, поглаживающего седую бороду, спросил:

— Цзя Лун, почему ты мешаешь мне?

Старик неспешно поклонился и ответил:

— Молодой господин, я служу вам не первый десяток лет и всегда на вашей стороне. Но этот мальчик не вынесет больше ни одного удара. Если бы я не вмешался, вы бы его убили, а это навредит прежде всего вам самим.

— Плевать! Если бы не этот подлец, я бы не растерял половину своих сил! Я бы уже давно завершил культивацию и вознёсся на небеса!

— Я всё понимаю, господин. Вы восстановили тысячелетнюю мощь великим трудом. Но испытание небес уже близко. Если мы сейчас запятнаем руки его кровью, боюсь, в решающий час это обернётся против вас.

Чу Цзюинь внезапно замолчал. Он знал, что управляющий слов на ветер не бросает.

Тысячу лет он внимал поучениям Доума Юаньцзюня, упорно тренировался, чтобы сбросить змеиную чешую и обрести человеческий облик. Он достиг невероятных высот, вышел за пределы круга перерождений и стал почти всемогущим. Глупо было бы ставить всё это под удар ради мести жалкому смертному. Ведь его цель — истинное бессмертие.

Он взял чашку чая и кивнул на лежащего без чувств Цзызюня.

— Ты прав. Я не ожидал, что он такой хрупкий и не выдержит даже одного пинка. И что мне теперь с ним делать?

«Вряд ли в этом саду найдётся хоть кто-то, кто выжил бы после вашего удара, господин!» — подумал Цзя Лун, но вслух сказал другое:

— Пусть Янь Цзызюнь тогда был ребёнком, он едва не погубил вас — это факт. Мы привезли его сюда, чтобы он искупил свою вину службой и трудом. Но сейчас он без сознания, так что судить его несподручно. Позвольте мне забрать его. Когда ему станет лучше, мы решим, как быть дальше.

Чу Цзюинь, не поднимая глаз, поставил чашку на стол и едва заметно кивнул.

Получив дозволение, управляющий тут же прикрикнул на слуг:

— Чего застыли? Развяжите его и унесите скорее!

— Слушаемся, слушаемся!

Один из приближённых подскочил к Цзызюню и едва слышно прошептал заклинание. Верёвка, связывающая небожителей, послушно, словно живая змейка, скользнула в руки слуги.

— В северо-западном углу есть заброшенный флигель, отнесите его туда. И приглядывайте — он не должен издохнуть раньше времени.

— Будет исполнено, господин Цзя.

Слуги поклонились и, подхватив израненного юношу, быстро вышли из зала.

Янь Цзызюнь пришёл в себя лишь к полуночи.

Первое, что пронеслось в его голове — удивление от того, что он всё ещё жив.

Боль. Невыносимая, раздирающая боль.

Превозмогая слабость, он сел и дрожащими руками распахнул ворот. Взглянув на грудь и живот, покрытые сплошным иссиня-чёрным кровоподтёком, Цзызюнь выдохнул с облегчением.

«Кажется, рёбра целы».

Не успел он порадоваться, как дверь скрипнула. В комнату ворвался холодный ночной ветер, заставив юношу задрожать под тонким одеялом.

На пороге показалась женщина в сопровождении служанок. Её наряд ослеплял: волосы были уложены в высокую вычурную причёску, а алое платье из тяжёлого шёлка пламенело, точно весеннее зарево. Золотые шпильки, серьги и браслеты сияли так ярко, что на них было больно смотреть.

Цзызюнь ничего не смыслил в женской моде, но видел: незнакомка ослепительно красива. У неё было живое, вечно улыбающееся лицо, из-за чего она выглядела гораздо моложе своих лет — ей едва ли можно было дать больше двадцати пяти.

Но теперь красота лишь пугала его.

Безумец, едва не убивший его днём, оставил слишком глубокий шрам в его памяти. Теперь при виде любого красивого человека Цзызюня была нервная дрожь.

Женщина окинула каморку цепким взглядом и наконец остановилась на юноше. Она держалась непринуждённо: придвинула стул к окну, села, изящно закинув ногу на ногу, и велела служанкам:

— Оставьте всё здесь и уходите.

Когда суета утихла и дверь за прислугой закрылась, в комнате остались только они двое.

То ли из-за холодного лунного света, то ли от страха, но Цзызюню почудилось, что в глазах красавицы промелькнул тот же изумрудный огонёк, что и у господина. Он вскрикнул и с головой спрятался под одеяло.

Женщина не удержалась от смешка. Подойдя к кровати, она бесцеремонно стянула с него одеяло.

— Ну и храбрец! — весело протянула она. — Неужто я похожа на людоедку?

Цзызюню стало неловко. Взрослый парень, а прячется как ребёнок.

— Сестрица... вы... кто... зачем... — выдавил он.

— Ох, и вправду заикается! — притворно-сочувственно вздохнула она. — Давай я сама всё скажу, а то ты до утра не управишься.

Она наклонилась ближе:

— Я твоя тётушка Ху...

«Тьфу-тьфу-тьфу! Какая ещё тётушка в такие годы! То есть... кто она вообще такая?!»

Цзызюню не понравились её подведённые глаза и кокетливая улыбка. От одного её вида его бросило в холод, в груди что-то хлюпнуло, а горло сдавило от невыносимого привкуса меди. Он не выдержал и, заходясь в кашле, выплеснул фонтан крови прямо на холёное лицо красавицы.

— Ах! Помогите, умирает! Вот уж точно — делай добро и жди беды! Эй, парень, стой! Только не умирай, мне же голову оторвут за тебя!..

Голова Цзызюня закружилась. Ему было уже всё равно, что она там кричит. Он чувствовал

лишь бесконечную, выматывающую усталость.

Взгляд его затуманился, он уставился в потолок, где на балке виднелся след от гнили, и снова провалился в беспамятство.

<http://bllate.org/book/17484/1692474>